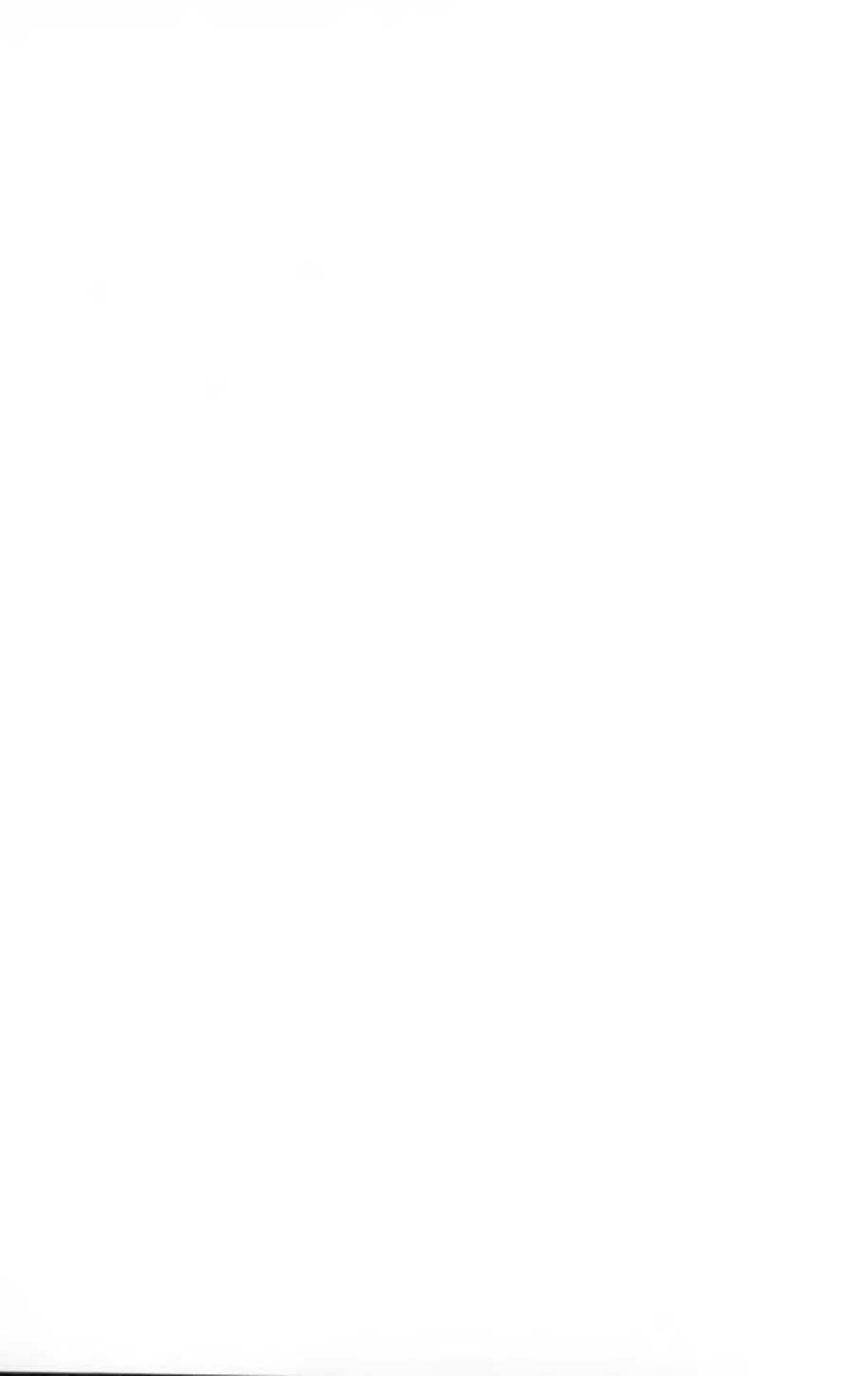

1917 ГОД:

ОТ ИМПЕРИИ РОМАНОВЫХ К СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ

Материалы VII Всероссийской научной конференции
(Кострома, 27-28 октября 2017 года)

Министерство образования и науки Российской Федерации
Костромской государственный университет

**1917 ГОД: ОТ ИМПЕРИИ РОМАНОВЫХ
К СОВЕТСКОЙ ИМПЕРИИ**

Материалы VII Всероссийской научной конференции

(Кострома, 27–28 октября 2017 года)

Кострома
КГУ
2017

УДК 94(470+571) «1917»

ББК 63.3(2)Юя431

Т-936

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Костромского государственного университета

Рецензенты:

кандидат исторических наук *Г. Ю. Волков*

кандидат исторических наук *И. С. Назрадов*

Редакционная коллегия:

А. В. Новиков (ответственный редактор),

А. М. Белов, А. Е. Кидяров, О. Б. Панкратова, Н. М. Рассадин, А. А. Турыгин

1917 год: от Империи Романовых к Советской империи : материалы VII
Т-936 Всерос. науч. конф. / отв. ред., сост. А. В. Новиков. – Кострома : Костром. гос.
ун-т, 2017. – 360 с.

ISBN 978-5-8285-0918-8

В сборник вошли материалы VII Всероссийской научной конференции «1917 год: от Империи Романовых к Советской империи», состоявшейся в Костромском государственном университете 27–28 октября 2017 года. В ходе научной дискуссии поставлены вопросы о периодизации революционного процесса начала XX века в Российской империи, о причинах революционной активности различных слоев российского общества. Рассмотрены различные аспекты Великой российской революции 1917 года, их оценка в современной исторической науке. Особое внимание уделено развитию советского варианта промышленной модернизации, оценке эволюции трудовых отношений, новых феноменов культуры, особенностей взаимодействия общества и власти в советский период истории страны.

Издание адресовано научным работникам, аспирантам, учителям, студентам, всем, интересующимся историей Отечества.

УДК 94(470+571) «1917»

ББК 63.3(2)Юя431

*Издание осуществлено на средства гранта
Президента Российской Федерации
на развитие гражданского общества № 17-1-008173*

16+

ISBN 978-5-8285-0918-8

© А. В. Новиков, составление, 2017

© Костромской государственной университет, 2017

Семенова Анна Викторовна
*ОГБУК «Костромской государственный
историко-архитектурный и художественный
музей-заповедник»*

**Духовное пространство в иконографии города
(на примере фотоматериалов конца XIX – начала XX века
из собрания Костромского музея-заповедника)**

Аннотация: В статье раскрывается тема духовного пространства Костромы, которое создавалось архитектурными особенностями церквей и их местоположением. Образ храма вносил в визуальный природный мир упорядочивающие, гармонизирующие смысловые акценты. Они организовывали восприятие красоты природы как сущностно направленный перцептивный процесс, побуждающий к всеобъемлемости и глубине мирозерцания.

Ключевые слова: храмы, духовность, пространство, социум, обыденность, силуэты, ритмы, тектоничность, красота и гармония.

Semenova A.V.

*Kostroma Historical, architectural and art
museum*

**Spiritual space in a city iconography (on the example of photographic
materials of the end of 19th – the beginning of the 20th centuries
from the collection of the Kostroma memorial estate)**

The article elaborates the spiritual space of Kostroma, which was created by architectural features of churches and their location. The image of the temple brought the ordering, harmonizing semantic accents in the visual natural world. They organized perception of beauty of the nature as essentially directed perceptual process inducing to comprehensiveness and depth of a world view.

Keywords: churches, spirituality, space, society, silhouettes, rhythms, tectonicist, beauty and harmony.

Фонды Костромского музея-заповедника располагают обширной коллекцией фотографий конца XIX – начала XX в., которая включает в себя: виды Костромы, ее улиц, площадей, зданий, памятников, храмов, монастырей, виды реки Волги, торговых ярмарок. В особую группу можно выделить фотографии с изображением костромских обывателей. На групповых и единичных фотографиях – многообразие индивидуальностей, обусловленное социальной принадлежностью, профессией, семейными отношениями. Эти фотографии впечатляют особым колоритом быта того вре-

мени: булыжными мостовыми, гужевым транспортом, особенностями одежды, атмосферой торговых ярмарок, архитектурными ансамблями, многообразием и величием храмов. Смысл выражения лиц, запечатленных на фотографиях костромичей, сопряжен с жизненным утилитарным процессом, с его ритмом в пространстве и времени, с причинно-следственной связью мгновения, его связью с практической задачей, с социальной функциональностью – будь то групповой портрет гимназистов или пожарной команды, или супружеской пары, или ватаги зимогоров... Словом, это быт, повседневная жизнь, т. е. обыденность.

Социум Костромы этого времени по впечатлениям от фотографий уравновешен, сгармонизирован, упорядочен разумной целесообразностью действий. Этот ритм обыденных смыслов периодически суммируется, вливаясь в исторически эпохальные события: празднование 300-летия династии Романовых, в крестные ходы, посвященные празднованию иконы Феодоровской Божией Матери.

Архитектурный образ города, запечатленный на фотографиях, являет собой талантливые творения выдающихся архитекторов: С.А. Воротилова, П.И. Фурсова, В.П. Стасова, Н.И. Метлина, создавших в Костроме уменьшенный провинциальный вариант архитектуры классицизма, более соответствующий духу столичной просвещенности. Но ее ритмы, линии, силуэты гармонично согласованы с природными ритмами ландшафта Костромы, придают ей своеобразный провинциальный колорит. При внимательном рассматривании фотографий с изображением архитектурных ансамблей ощущается нюанс их вторичности, привнесенности. Он выражается во всегдашнем присутствии на улицах, площадях торговой оживленности и напоминает сельские ярмарки с обилием товаров, характерных для сельской местности: связки лаптей, корзины, деревянные короба, выловленная в Волге рыба... В панорамных снимках — захватывающие просторы волжских далей, сопряженные с трудом сплавщиков леса, с артелями заготовщиков дров. Трудовые ритмы города ассоциируются с обилием простонародных лиц: торговцев рыбой, сплавщиков леса, зимогоров, пожарников, извозчиков, крестьян, мясников... За внешней обыденностью в их лицах нередко: достоинство, независимость, готовность к решительным действиям. В другой социальной группе костромских паромщиков отчетливо читается властность, расчет, деловая хватка. В значительной части коллекции представлены фотографии, выполненные в фотоателье А. Шмидта, С. Федотова, Г. Куракина, М. Воробьева, это семейные фотографии супружеских пар, служащих учреждений, детей... Как правило, их отличает застылость поз, напряженность взгляда, устремленного в объектив. На групповых семейных портретах очевидна неколебимая абсолютная власть отца семейства, которой все члены семьи должны безропотно повиноваться. За всем этим в лицах прослеживается власть мгновения текущего вре-

мени. Объектив фотоаппарата фиксирует социальную принадлежность человека, его слитность с социальной средой, смысловую обусловленную зависимость от нее, реагирование на внешнее обстоятельство, ставшее главным смыслом жизненного процесса.

Обыденность как одно целое жизненного процесса со временем и пространством – в ней неразрешимая тайна вечного возникновения и исчезновения всего и вся. В ней бесконечные заботы о пропитании, воспроизводстве рода, возвышении по службе, преодолении препятствий на этом пути, утверждение в достигнутом материальном благополучии, неизбежные катастрофы, крушение достигнутого и т. д. «Но, погружаясь в царство обыденности, схватываясь его интересами, человек отходит от глубины и от беспокойства, связанного с глубиной» [2, с. 247]. Этот тип фотографий не дает представления о глубинных смыслах бытия тогдашних костромичей. И все же власть обыденности не всесильна и сквозь нее на снимках того времени просвечиваются иные душевные уровни через объектив фотоаппарата, соприкасающегося с внешним миром. В приостановленном миге присутствует отблеск личностного отношения к жизненной ситуации, к действию, в нем след перенесенных или переносимых страданий, их преодоление, сомнение или уверенность, или тайна душевной глубины. Этот тип фотографии делает возможным осуществление для ныне живущих душевного диалога с жившими сто лет назад – через их изображение, через их глаза, взгляд которых направлен в будущее неведомое для них. Но и тех и других объединяет вечность. Ибо по выражению Н.А. Бердяева «Лицо человека есть самое изумительное в мировой жизни, через него просвечивает иной мир. Это есть вступление личности в мировой процесс с ее единственностью, однократностью, неповторимостью. Через лицо мы воспринимаем не телесную, а душевную жизнь человека» [2, с. 29].

Из всего свода фотографий по этой главной особенности выделим лишь две, запечатлевшие людей разных социальных групп. На одной изображен П.М. Третьяков (1832–1898), известный ценитель и собиратель произведений искусства (КМЗ ОФ-1550). Его лицо и поза исполнены благородства, взгляд, обращенный внутрь себя, проникает сокровенные глубины, ведомые только ему. Но эти сокровенные уровни – результат огромной душевной работы длиною в жизнь, результат обостренного восприятия многих исторических событий, результат сопереживания многим человеческим судьбам; в нем напряженное искание истины. Это взгляд человека на краю вечности, через три года его не станет. На другой фотографии изображены бабушка с внуками (КМЗ НВ-347). Фотография выполнена в костромском фотоателье Григория Павловича Куракина. Бабушка изображена на снимке сидящей, рядом маленькие внук и внучка, одетые в белые рубашечки. Внук сидит слегка прильнув к бабушке, внучка стоит рядом. Взгляд бабушки обращен в объектив, от него исходит кроткая грусть и

всепонимающая мудрость, сопряженная с бесконечной добротой, состраданием и соучастием, пронизывая встретившего этот взгляд вопрошающей кротостью. Эта тихая душевная энергия ее взгляда не подвластна времени и спустя сто лет побуждает к ответному душевному движению. Но еще это и лицо матери, призванной нести в мир любовь и доброту. Поэтому в нем выразилось обобщенное средоточие нравственного лица народа, питающегося и живущего памятью души. В новых поколениях людей память души вновь и вновь возрождается, ибо она связана с глубиной переживания жизненного процесса, глубина же переживания исходит из глубины переживания Евангельской истины. Одним из главных источников душевного формирования таких людей была и есть окружающая среда, как красота Божиего мира, созерцая которую душа возносится к духовному, обретая зрение внутреннего ока. «Светильник для тела есть око. Итак, если око твое будет чисто, то все тело твое будет светло» (Матф. 6. 22).

Жители Костромы кон. XIX – нач. XX в. имели возможность воспринимать эту красоту из многих мест города, одно из которых в зимнее время года находилось на середине Волги. В ясный морозный день здесь душа вдруг замирает при взгляде в высокое бесконечное небо, осознавая себя на грани мира сего, с его едва слышным гулом повседневной жизни, с его дыханием города, с его архитектурными силуэтами и с миром иным, устремленным в безграничную голубизну разверзшегося небосвода. В этот миг через внезапное озарение вдруг оживает осознание таинственной необъяснимой связи отдаленной красоты города, воспринимаемой с детских лет, с этой Божественной красотой вечного и бесконечного неба.

Куда бы не устремлялся взгляд созерцающего виды Костромы, он вовлекался в органичные ритмы рельефа местности, которые устремлялись к захватывающим дух волжским просторам, теряющимися в даях, уходящими за горизонт. Где-то там, вопрошающий взгляд соприкасался с взметнувшимися над линией горизонта вертикалями церквей, устремленными к небесам, завершающими ландшафтные и внутренние вопрошающие ритмы человеческого духа.

Непостижимые тайны вечного подступают к внутреннему оку костромичей, созерцающих красоту небосвода со стороны Муравьевки. Здесь в лучах заходящего солнца предстает неземная палитра красок. Фокусируя жизненную энергию каждого на отблесках вечности, очищая душу от всего суетного, пустого и ничтожного. На противоположном берегу Волги на фоне небосвода видны величественные очертания высокого холма, венчает который суровый лаконичный образ церкви Ильи Пророка. В ее образе ощутим завершающий акцент сдержанной восходящей мощи земли, ассоциирующийся с духовным восхождением народа, с движением времени, поглощаемого вечностью, с перипетиями российской истории.

От стен древней церкви, с высоты птичьего полета взгляд устремляется вниз, туда, где раскинулись просторы необъятной долины с водами рек Волги и Костромы. В месте их слияния образ Ипатьевского монастыря устремляет необъятность далей к себе как к духовному центру. Силуэт монастыря почти сливается с ритмом береговой линии и водной глади, но в лучах солнца отблеск его белых стен вдруг приобретает таинственно зовущую притягательность, подобную притягательности далеких белоснежных облаков в летний день.

Архитектурные особенности храмов Костромы были сопряжены с рельефом местности, с молитвенным соборным устремлением к Богу. В сочетании с призывным колокольным звоном это создавало над городом всепроницающую духовную ауру – духовное пространство. Храмы воздвигались в местах мистически благоприятных для молитвы. Каждый из храмов своим видом являл материально воплощенную искру Божию, своим присутствием в мире указуя на отблеск вечности в пространстве и времени, свидетельствуя predetermined направленность пространственно-временного потока, вовлекающего человека, его судьбу, смысл его жизни в молниеносное переживание истины Христовой. Все обозримое пространство города было духовно, молитвенно организовано, объединяя и ограждая жителей Костромы, придавая внешнему образу города красоту, согласованную с Божественной красотой природы. Она разлита в мире и с юных лет присутствует в душе, подспудно формируя и поддерживая ее. В поэтических образах ее присутствие будет ощущаться всю жизнь.

*Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом
И как я с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!*

(слова И. Козлова. Написано в 1827–1828 гг.)

Созерцание красоты природы в русском национальном сознании связано с вечным вопрошанием о смысле бытия, смысле жизни человека, с неизбежным и закономерным устремлением этих вопрошаний к первичной красоте – Богу (Л.Н. Толстой «Война и мир»). Мысли раненого А. Болконского на поле боя).

«Как в православной храмовой архитектуре ее смысл выражается в том горении ко кресту, которое столь ярко выражается в золотых церковных главах, так и в иконах все в них горит к тому же сверхвременному смыслу человеческого существования и все на него указывает. Все здесь охвачено стремлением к той запредельной небесной тверди, где умолкает

житейское. И в этом стремлении уносится ко кресту вместе с святыми все что есть лучшего, духовного в бытовой Руси от царя до нищего» [5, с. 224].

Успенский кафедральный собор костромского кремля фокусировал в своем образе духовную ауру, исходящую от всех храмов Костромы. В городском ландшафте отовсюду были видны их главы. В их лаконичном изгибе была сконцентрирована духовно-молитвенная энергия. В начале эта линия в плавном горизонтальном изгибе стремится объять природное пространство, затем в таком же плавном изгибе устремляется вверх к небу. Главы Успенского собора своей удлиненной сжатой формой предельно концентрировали восходящую молитвенную устремленность. Этот эффект усиливала колокольня с учащенным вибрирующим ритмом барочной архитектуры. Многовековые молитвенные упования на заступничество костромичи обращали к чудотворной Феодоровской иконе Божией Матери, находившейся в Успенском соборе. Архитектурный комплекс костромского кремля с Успенским и Богоявленским соборами с колокольней и прочими зданиями располагался на возвышенном левом берегу Волги. Его местоположение имело многообразие точек зрения, одна из главнейших – от его подножия (КМЗ КОК-9699). Она властно вовлекала душу созерцающего в мощное тектоническое движение земных энергий, продолженных контрфорсами основания стены; их направленное движение переходило на плоскости стен храмов. Во вторичном импульсе подхватывалось ритмом проемов колокольни и глав Успенского собора, устремляясь к небесам. Отсюда образ собора с колокольней предстал как предельно сконцентрированное воплощение его духовного величия, вызывая в душе благоговейный порыв к духовному восхождению.

Иной ракурс на фотографии с видом на Костромской кремль с Волги (КМЗ КОК 7782). На переднем плане береговая линия, лодки, мешки, бочки, люди, занятые своими повседневными делами. Выше – древний крепостной вал, сдержанной суровостью напоминает трагизм и величие исторических событий, происходивших на костромской земле. Над ним единым силуэтом возвышается кремлевский комплекс на фоне бесконечной глубины небосвода, являя щемящую душу тайну Божественного величия и напоминая о просветляющем значении грани между духовным и земным в исторических деяниях человека.

При панорамном обозрении с правого берега Волги вид кремлевского ансамбля вызывал в душе чувство благоговейного изумления, которое возникает при созерцании грандиозных величественных явлений природы. Это благоговение связано с внезапно открывшейся возможностью приобщения к таинственному стяжению и средоточию Божественных энергий, пребывающих в обозреваемых за его границами необъятных пространствах заволжских далей. С этой точки обозрения силуэт кремлевского комплекса приобретал эффект гармоничной соотнесенности изысканного рит-

ма плоскостей стен и вертикали колокольни с потаенной энергией водной глади у его подножия и бесконечностью небосвода над ним. Это впечатлительное гармонии имело глубинное символическое значение. Водная стихия – олицетворение вечного движения жизненной энергии, питающей земную жизнь человека, во многом определяющая круг его практических устремлений, воспетая в поэзии и песнях. Здесь в этот краткий миг успокоенности, ввиду Божественной гармонии храмового ансамбля, являет человеку дыхание вечности, побуждая задуматься о смысле своего земного бытия.

Два основных фактора определяли общие особенности облика храмов – собирательность и силуэтность, которые зависели от точки восприятия в пространстве. В первом случае по мере приближения к храму нарастает роль втягивания в духовно-энергетическое средоточие храма, преобразуя душевное состояние человека, которое проявляется в нарастании по мере приближения к храму некоего внутреннего волнения, свидетельствующего о присутствии Божественных энергий. Во втором случае силуэтность восприятия зависит от степени удаленности от храма, и чем больше удаленность, тем больше нарастает ощущение непостижимой тайны бытия при обозрении пространств и тем более притягателен силуэт храма в пространстве, как возможность и необходимость приближения к нему как средоточию истины. Все храмы Костромы представляли в своей совокупности единый духовный континуум, установленный и закреплённый на века, призванный вновь и вновь духовно просветлять, утверждать и питать многие поколения костромичей. Симфонизм этого ритма, сообразно с архитектурными особенностями каждого храма и его местоположением, открывал многообразие откровений духовного наслаждения.

«Духовное наслаждение свидетельствует о сверхразумном узрении субъектом в эстетическом объекте сущностных основ бытия, сокровенных истин Духа, неуловимых законов жизни во всей ее целостности и глубинной гармонии об осуществлении в конце концов Духовного контакта с Универсумом (а для верующего человека с Богом) о прорыве связи времен и, хотя бы мгновенном выходе в вечность, или точнее – об ощущении себя причастником вечности...» [1, с. 323].

В облике храмов Костромы присутствуют элементы архитектурных стилей классицизма, барокко, эклектики, но суть использования их заключается в органичном сплаве, не нарушающем гармонии и смысла целого, соотношенного с линиями и поверхностью места. В свою очередь эта соотношенность вызывает более глубокий уровень восприятия, усиливающий изначальную сокровенно переживаемую тайну земного устройства человека, которая получает смысловое разрешение ввиду целостного перцептивного созерцания местности в единстве с образом храма. Образ каждого храма имел свое неповторимое звучание в обозреваемом пространстве, внося в него свою ноту. Многообразие архитектурных решений храмов

Костромы являю многообразие точек схода, где встречается вечное и временное, там, где временное распознает вечное, подобно прорастающему всходу растения, тянущемуся к свету и вечное находит себя во временном, нисходя к нему и преобразуя его.

«В христианском сознании вечное и временное пребывают нераздельно: вечное входит во временное, временное в вечное» [3, с. 28].

Так от образа церкви священномученика Власия, епископа Севастийского, от ее удлинненных объемов четверика с двумя рядами окон, от утонченных глав, от изящной колокольни исходило трепетно-притягательное участливое обращение к душе каждого прихожанина. Храм располагался на фабричной окраине.

Городская среда вносила свои акценты в восприятие храмов Костромы. На фотографии «Вид Костромы с губернаторского съезда» (КМЗ КОК-32313) внимание созерцающего этот вид с верхней части спуска с Муравьевки захватывается ритмом бульжной мостовой, устремленным к суживающейся перспективе улицы Нижне-Дебринской, которая завершается колокольной Спасской церкви в Красных рядах. Ее отдаленный белый силуэт на фоне облачного неба устремляет эту энергию дальше к теряющейся в высоком небе бесконечности. Слева и справа от Нижне-Дебринской улицы – характерные для Костромы двухэтажные каменные дома, утопающие в зелени деревьев, слева в некотором отдалении взметнувшаяся к небесам кремлевская колокольня, еще левее – характерные главы Успенского собора. В образе освещенных солнечным светом колокольни и глав собора также находит завершение ритм построек и деревьев, ассоциирующихся с уютом домашнего тепла провинциального города. Но эта ассоциация фокусирует над земным уютом города неземную Божественную красоту устремленных к небесам вертикалей собора и колоколен. Справа у подножия спуска отчетливо просматривается одноглавая Богословская церковь с колокольной, возвышающейся над кровлями домов. Таким образом, на этом панорамном виде города ввиду средоточия трех духовных аур, исходящих от храмов, духовное пространство этой части города имело предельную духовную насыщенность, подспудно организуя и направляя жизненные ритмы горожан.

В противоположном направлении с левой стороны у подъема на Муравьевку – каменные и деревянные дома, у края холма Борисоглебская церковь (КМЗ КОК-7788) с удлинненными пропорциями четверика, откосы кровли которого вторят откосам кровли домов с трепетно изящными главками на утонченных барабанах. Церковь в своем облике сконцентрировала направленную тектоничность холма, устремляя ее к небесам. Во вторичном взрывном импульсе колокольни ее энергия уподоблена световой вспышке. С этого ракурса обозрения вертикаль импульса дважды повторена в обозреваемых над верхним уровнем восхода на Муравьевку колоколь-

ни Всехсвятской церкви и с правой стороны в перспективе Нижне-Дебринской улицы колокольни Воскресенской церкви.

На фотографии с изображением Ильинской церкви (КМЗ КОК-7784) запечатлена часть Русиной улицы с булыжной мостовой, с переходящей улупу костромичкой на переднем плане, две лошади, запряженные в груженные телеги и рядом – уличный керосиновый фонарь. На втором плане – Ильинская церковь, стены которой на одном уровне с тротуаром. Избранный ракурс запечатлел церковь во всей красоте и духовном величии: от подножия до креста колокольни. Объемы ее четверика сжаты, пять глав устремлены высоко в небо, так что пять крестов отчетливо видны на его фоне. Вплотную к четверику примыкает – колокольня. В летний погожий вечер, лучи заходящего солнца освещают колокольню, главы церкви и край облака. Храм стоит на главной улице города с ее тогдашним неспешным провинциальным ритмом, нарушаемом разве что цоканьем копыт лошадей. Но во всем ощущается присутствие необъяснимой щемящей грусти, происходящей, вероятно, от контраста давно исчезнувшего во временном потоке дыхания того теплого летнего вечера с обыденными заботами прохожей горожанки и света вечернего солнца, осветившего храм, принеся с собой отблеск вечности, проникшей сюда в атмосферу тихой уютной улицы Костромы.

«Восстанавливая в памяти шедевры архитектуры, которые произвели на нас самое сильное впечатление, мы обычно делим их на две основные категории: первые восхищают нас изысканностью и утонченностью, вторые же поражают своим суровым подчас таинственным величием, внушающим нам священный трепет, словно присутствие и работа некой великой Духовной силы» [4, с. 127].

Один из немногих храмов Костромы, который внушает нам священный трепет – Вознесенский храм в Мельничном переулке. Величественно-суровый образ Вознесенской церкви запечатлен со стороны пологого подъема от Волги (КМЗ КОК-7787). Церковь освещена вечерним солнцем, ее образ подчиняет внимание созерцающего контрастом с серым облачным небом. Глубинный же смысл этого подчиняющего внимание происходит от духовной энергии, исходящей от храма. Она достигнута архитектурными особенностями, которые соответствуют строгой лаконичной соразмерности объема четверика храма, расположения глав, расстоянием между ними, объемов барабанов глав, сдержанным ритмом закомар и аркатурного пояса, не нарушающих пластику стен. Вследствие этого единая целостная тектоничность образа храма составляет гармоничное единство с его духовным воздействием, которое поддерживается лаконичной взвешенной динамикой шатровой колокольни, особенности которой: выявленная толщина стен, углы наклона патра, карнизов, углы восьмерика созвучны едва опутимой восходящей энергии подъема со стороны Волги ритму булыжной

мостовой, устремленной к подъему на Муравьевку с видимой на нем Борисоглебской церковью, которая своим стремительно взметнувшимся к небесам образом резко контрастирует с Вознесенским храмом. У входа в храм как средоточие молитвенного многовекового усилия костромичей символично воспринимается одинокий силуэт прихожанки в молитвенном обращении к храму.

Кульминационным завершением храмового симфонизма Костромы был заключительный аккорд соборной колокольни кремля, созданный архитектором С.А. Воротиловым. В избранном ракурсе на фотографии (кмз код 17376/70) колокольня предстает в величественном вертикальном восхождении барочного ритма к небесам. Он задается ступенями широкой лестницы, подхватывается арочными проемами пяти ярусов, плавно устремляясь к главке с крестом. Этот ритм гармонизируется сдвоенными колоннами, интервалы между которыми одновременно фиксируют горизонтальные ландшафтные ритмы, сосредоточивая их энергию. Ему вторит уравновешенный ритм изломов карнизов. Вертикальный и горизонтальный ритмы колокольни многократно повторяют расположенные по краям карнизов вазоны и главки. Заключительный суммирующий всплеск направленных ритмов завершается импульсивным изгибом верхнего яруса колокольни. Таким образом, величественный монументальный образ соборной колокольни, главенствуя над архитектурным силуэтом города совмещает в себе одновременно строгую направленную целостность вертикального устремления к небесам и горизонтальные суммирующие ритмы ландшафта. Они придают ее образу гармоничное единство с воздушной средой, с солнечным светом, с белизной летних облаков. Образ колокольни воздействовал на человеческую душу, духовно просветляя, внося в жизнь дыхание Божественного откровения, которое служило духовным направляющим ориентиром на всю жизнь.

И наконец, на фотографии с видом на город с крыши епархиального училища (КМЗ НВ-5043/6) мы видим на переднем плане кровли домов, задающие восходящий ритм движения, подхваченный сжатой вертикалью колокольни Борисоглебской церкви, которому вторят восходящие к небесам ритмы глав и колокольни кремлевского Успенского собора и многих перспективно удаляющихся в сторону Ипатьевского монастыря церквей. Их взметнувшиеся над городскими постройками главы и колокольни главенствуют над этой частью города, объединяя пространство в единый соборный ритм духовного устремления к небесам, просветленная неправильная сфера которых окружает все храмы, обрамляя эту часть небосвода облачной каймой. За силуэтами церквей простирается необъятный разлив Волги, сливающийся с линией горизонта, являющей собой захватывающую дух тайну Божественного мироустройства. С этого ракурса обозрения Кострома предстает созерцающему взору как апофеоз духовного симфо-

низма, как соборное средоточение вековых духовных устремлений костромичей.

Таким образом, храмовое духовно-соборное единство Костромы организовывало духовное пространство, присутствующее в городе и над городом. Воспринимаемое внутренним оком души, оно порождало, взращивало и направляло многие поколения костромичей к сокровенным уровням восприятия Божественной истины, которая была неотделима от осуществления их земных насущных жизненных смыслов, хранила в бедах, утешала и воодушевляла в преодолении испытаний.

Список сокращений

КМЗ КОК – Костромской музей заповедник Книга основных поступлений. Костромской областной краеведческий.

КМЗ ОФ – Костромской музей заповедник. Основной фонд.

КМЗ НВ — Костромской музей-заповедник. Научно-вспомогательный фонд.

Библиографический список

1. Бергер Л.Г. Эпистемология искусства. М.: Русский мир, 1997. 402 с.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека. О рабстве и свободе человека. М.: АСТ. Хранитель, 2006 637 с.
3. Бердяев Н.А. Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 162 с.
4. Семь светочей архитектуры / Джон Рёскин; пер. с англ. М. Куренной, Н. Лебедевой, С. Сухарева. СПб.: Азбука-классика, 2007. 320 с.
5. Трубецкой Е. Два мира в древнерусской живописи // Философия русского религиозного искусства XVI–XX вв. Антология / сост., общ. ред и предисл. Н.К. Гаврюшина. М.: Прогресс, 1993. Вып. 1. 400 с.